

«ПОРОЗЖИЕ ЗЕМЛИ» В СТРУКТУРЕ СЛУЖИЛОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В XVII ВЕКЕ

Е. В. Камараули

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 апреля 2022 г.

Аннотация: рассматриваются «порозжие земли» как часть системы земельных кадастров Московского государства, подвергнуто разбору понятие «порозжей земли» в писцовой терминологии Поместного приказа. На материалах Воронежского уезда анализируется происхождение «порозжих земель» и их место в общей структуре служилого землевладения. Сделан вывод о статусе «порозжих земель» как о неотъемлемой части хозяйственной альменды поселений и пустошей. Проанализированы причины длительного сохранения земель в «порозжем» состоянии.

Ключевые слова: порозжие земли, служилое землевладение, XVII век, Юг России.

Abstract: the article deals with «abandoned lands» as part of the system of land cadastres of the Moscow state, the concept of «abandoned lands» in the scribal terminology of the Local Order is analyzed. In relation to the South Russian region, the origin of the «abandoned lands» and their place in the general structure of service land ownership are analyzed. The conclusion is made about the status of «abandoned lands» as an integral part of the economic almenda of settlements and wastelands. The reasons for the long-term preservation of lands in an «abandoned» state are analyzed.

Key words: abandoned lands, service land ownership, XVII century, South of Russia.

Колонизация степного и лесостепного пограничья Юга России имела своим фундаментом служилое землевладение. Процессы экономического и военно-служилого освоения земель на южных окраинах государства были тесно взаимосвязаны и переплетены, протекали в сложной обстановке пограничья, военного противостояния с татарами [1]. Изучение оригинальной модели южнорусского землевладения позволяет серьезно продвинуться на пути понимания социально-экономических реалий Московского царства XVII в. Рассматривая служилое землевладение как сложную систему, в настоящем исследовании мы сосредоточимся на изучении «порозжих земель» как одного из ее структурных элементов.

Анализируя комплекс документов Поместного приказа, обратимся к территории Воронежского уезда, хорошо заселенного и освоенного в XVII в. В нашем распоряжении имеются материалы отказных книг [2, л. 1–1006], столбцового делопроизводства [3; 4], писцового описания уезда в 1627–1629 гг. [5, л. 1–1104], появившегося в результате масштабной работы по составлению земельных кадастров Московского государства, известной как валовое письмо 20–40-х гг. XVII в. [6]. Писцовая терминология, относящаяся к документам Поместного приказа, не всегда прозрачна и соотносима с привычными нам современными понятиями. Описывая земли и со-

ставляя кадастр для налогообложения, писцы зафиксировали внутри воронежской писцовой книги как отдельный документ так называемые «книги порозжим землям Чертовицкого, да Карачюнского, да Борщевского, да Усманского станов» [5, л. 971–996]. В географическом отношении «порозжие земли» были разрозненны, так как располагались в разных станах. Но в то же время они представляли собой некий единый земельный фонд, внесенный в писцовую книгу как самостоятельный раздел в описании уезда.

Понятие «порозжий» в самом широком смысле можно соотнести с термином «пустой», как варианты, «незанятый», «свободный». Тем не менее невозможно принять однозначную трактовку понятия «порозжий» как «пустой», так как в писцовой документации «пустота» подразумевает ненаселенность в смысле отсутствия «живущих», т. е. тяглых дворов. В приказной документации, связанной со служилым землевладением, используются словосочетания «порозжие земли», «порозжее урочище», «порозжее поместье». Применительно к угодьям упоминаются «порозжие леса», «порозжие рыбные ловли», «порозжие бортные ухажьи». В настоящем исследовании мы сосредоточимся на изучении порозжей земли, связанной со служилым землевладением¹, преимуще-

¹ Здесь и далее термины «порозжая земля», «порозжее поместье», «порозжий», связанные со служилым землевладением, будут употребляться без кавычек.

ственно поместным, так как оно абсолютно преобладало над вотчинным в Воронежском уезде [7].

Порозжей зачастую называлась земля, ранее принадлежавшая служилому помещику. Порозжие поместья оставались после смерти бездетных служилых людей, после убывших со службы, дезертировавших из воюющей армии. Иногда сын боярский служил с фактически имеющегося, но юридически не оформленного поместья. Выражаясь в терминах XVII в., такое поместье не было «справлено» за служилым человеком, что налагало определенные ограничения на «наследование» земельного владения. Так, по закону вдова и дочери не могли владеть «несправленным» поместьем в качестве прожитка, и такая поместная земля считалась порозжей, не будучи выморочной. В этом смысле порозжие земли были именно порозжими поместьями, оставшимися без владельца. Хозяйственная деятельность на территории порозжих поместий прекращалась, владельческий и тяглые дворы, если таковые имелись, запустевали. Поместья, ставшие порозжими, писцы «отписывали на государя».

Не всякая порозжая земля ранее принадлежала помещику. Для понимания происхождения некоторых порозжих земель необходимо обратиться к алгоритмам землеустроительных работ на территории Воронежского уезда. Валовое письмо 20–40-х гг. XVII в. должно было вернуть поземельные отношения в государстве в нормальное состояние, проверить легитимность поместно-вотчинных владений. Очевидно, что самовольные захваты земель, равно как и многочисленные пожалования дворянам, детям боярским и казакам со стороны официальных и самозванческих правительств, крайне запутали картину поземельных отношений в государстве.

Прежде всего писцы проверяли на предмет законности и фиксировали существовавшие владения [8; 9, с. 40–41]. Параллельно происходила раздача новых поместно-вотчинных «дач», сопровождавшаяся землемерными и межевыми работами. Подобная раздача должна была проводиться в Воронежском уезде в значительных масштабах, поскольку уезд оставался регионом нового освоения, на его территории располагалась масса незанятых земель. Вопрос о том, в какой степени проводились в 1627–1629 гг. собственно полевые работы по измерению и размежеванию воронежской земли, остается недостаточно ясным. Предположительно, именно в случаях первичного испомещения детей боярских в незанятых урочищах имело место реальное измерение пашни. Лесные, водные угодья и сенокосы отделялись писцами, имевшими определенные хозяйственные познания, «на глазок», без фактического измерения. По данным отказных книг можно установить, что вне писцовых описаний уезда полевыми землемерными

работами занимались местные дворяне и дети боярские на основании наказных памятей городского воеводы.

На воронежских землях широко практиковалось коллективное испомещение небольших групп детей боярских. Зачастую такое испомещение происходило на территории определенного урочища, ограниченного реками, оврагами, лесными массивами и при этом имевшего все необходимые для хозяйствования элементы: пахотные земли, сенокосы, лесные и водные угодья. Такой участок на первом этапе отмежевывался цельным массивом. Пашня внутри урочища либо нарезалась на отдельные участки полей, либо сохранялась как единое поле, затраты на обработку которого распределялись пропорционально владельческому жеребьям.

При испомещении на порозжих землях и «диком поле» детям боярским выделялись земельные «дачи», но не произвольно, а в соответствии с законодательными нормами. Такие нормы зависели от размеров поместных окладов [там же, с. 41]. После распределения земельных «дач» между служилыми людьми часто наблюдалась определенная картина. Внутри поля оставалась лишняя земля или, по выражению писцов, земля «сверх дач». Фактически она находилась в меже общего поля, но не была никому отдана, распашка такой земли не должна была осуществляться до первой поместной раздачи. Такая лишняя земля записывалась в писцовую книгу «на государя» и считалась порозжей.

Для понимания, что представляли собой порозжие земли Воронежского уезда, проанализируем данные «книги порозжих земель» четырех станов. В целом, в перечислении порозжих земель был сохранен тот же принцип, что и при описании поместных и вотчинных владений, только книга фиксировала порозжие земли как отдельные единицы без владельца. В большинстве случаев это были бывшие поместные владения, как правило, поместные жеребьи внутри поселений или пустошей. Всего в воронежскую писцовую книгу внесено 57 единиц порозжей земли. Для каждой единицы порозжей земли указано название поселения, пустоши или урочища, где она располагалась, перечислены количество четвертной пашни, сенокосы в копнах, водные и лесные угодья.

Рассмотрим вопрос о бывшей принадлежности порозжей земли. Порозжие поместья или поместные жеребьи фиксировались как бывшие владения конкретных лиц. Например, «Семеновское поместье Офонасьева сына Кольцова», «Ондреевское поместье Истомина сына Шешурина» и т. д. Это земли людей, которые, предположительно, или умерли, или бежали со службы. Как порозжая, записывалась «лишняя» четвертная пашня, т. е. оказавшаяся по установленной законодательством норме «сверх» поместной «дачи»,

например, «что осталось за дачею поместного казака у Ивана Зеновьева», «осталось за дачами у Григорья Козлова, да у Федора Косякина, да у Макара Павлова, да у Демы Невзорова» и пр. О том, как появлялась такая земля в межах у помещиков, подробно написано выше. В некоторых случаях не указано, что было ранее с данным участком, но он был обмерен и размежеван писцами (таковых 14 единиц порозжей земли), предположительно, по челобитным служилых людей об испомещении.

Всего на территории Воронежского уезда по состоянию на 1627–1629 гг. располагалось 3857,5 четверти (далее – ч.) в одном поле, т. е. около 5800 десятин (далее – дес.) порозжих земель. Это значительные площади, учитывая, что общие размеры служилого землевладения в уезде в тот же период составляли 48 848 дес. земли [10].

Порозжая земля располагалась внутри уезда неравномерно. Большая ее часть приходилась на Бор-

щевский (1430 ч., или 2145 дес.; 27 единиц) и Усманский (1835 ч., или 2752,5 дес.; 16 единиц) станы. Гораздо меньше порозжей земли было в Чертовицком (372,5 ч., или 558,75 дес.; 9 единиц) и Карачунском (220 ч., или 330 дес.; 5 единиц) станах. В Борщевском стане обилие порозжих земель было связано с убылью помещиков и запустением поселений от татарских набегов.

Часть порозжих земель локализуется в границах поселений (табл. 1). Как видно из таблицы, речь идет в основном о запустевших землях помещиков, чаще всего о жеребьевых владениях. Очевидно, что такие порозжие земли были неотъемлемой частью хозяйственного комплекса сел и деревень, а запустение отдельных жеребьев могло негативно отражаться на общем экономическом развитии поселения. Помимо этого, в поселениях существовали те лишние земли, что оставались «сверх дач» при коллективных испомещениях.

Таблица 1

*Порозжие земли в поселениях на территории Воронежского уезда
(по данным воронежской писцовой книги 1627–1629 гг.)²*

№ п/п	Название поселения	Стан	Тип поселения	Бывшая принадлежность
1	Большая Гвоздевка	Б.	д., бывшее с.	Бывшая поместная земля
2	Большая Терновая	Б.	д., бывшее с.	Бывшая поместная земля
3	Борки	Ч.	д.	Бывшая поместная земля
4	Боровое	У.	с.	Бывшая поместная земля
5	Гремячья	К.	д.	Бывшая поместная земля
6	Губарево	Б.	с.	Бывшая поместная земля
7	Ендовище	Б.	д.	Бывшая поместная земля
8	Енина	Ч.	д.	Бывшая поместная земля
9	Малое Терновое	Б.	д., бывшее с.	Бывшая поместная земля
10	Малышева	Б.	д., бывшая пуст.	Бывшая поместная земля и земля «сверх дач» помещиков
11	Манино	К.	с.	Бывшая поместная земля
12	Нелжа	У.	д.	Бывшая поместная земля
13	Песковатое	У.	с.	Бывшая поместная земля и земля «сверх дач» помещиков
14	Пешанка	Б.	д.	Бывшая поместная земля и земля «сверх дач» помещиков
15	Савицкая (Телушкина)	У.	д.	Бывшая поместная земля

Другая часть порозжих земель локализуется в пустошах (табл. 2).

² Сокращения в табл. 1, 2. Станы: Ч. – Чертовицкий, Б. – Борщевский, К. – Карачунский, У. – Усманский. Тип поселений: с. – село, д. – деревня, поч. – починок, пуст. – пустошь, р. – река, оз. – озеро.

Порозжие земли в пустошах на территории Воронежского уезда
(по данным воронежской писцовой книги 1627–1629 гг.)

№ п/п	Стан	Название пустоши	Тип пустоши	Бывшая принадлежность
1	Ч.	За Большим отхожим липягом между пуст. С. Последова и Н. Обрабова (Салманова)	пуст.	Не указана
2		Между пуст. Сушиловкой и д. Пруцкой	пуст.	Земля «сверх дач» помещиков
3		Поляна напротив д. Животинной	пуст.	Не указана
4		Сушиловка	бывш. д.	Бывшая поместная земля
5		У колодезя к сторожевью на рог между Мховой дорогой и бояраком	пуст.	Земля «сверх дач» помещиков
6		По конец Чертовицких полей за большой московской городской дорогой	пуст.	Земля «сверх дач» помещиков
7		За полями с. Лопатки к р. Дону между липяжков Кривоборья	пуст.	Не указана
8	К.	В поляне Мечковской между р. Мечка и р. Крутца	пуст.	Земля «сверх дач» помещиков
9		Позади р. Ериловки	пуст.	Бывшая поместная земля
10		Мечок	бывш. поч.	Земля «сверх дач» помещиков
11	У.	Поляна Другая Долгая Любовицкая на р. Боровой у Любовицкого оз.	пуст.	Бывшая поместная земля
12		Между с. Песковатого и пуст. В. Стерлегова	пуст.	Не указана
13		На р. Усмани (без уточнения)	пуст.	Не указана
14		Поляна Песковатая	пуст.	Не указана
15		Под Дроновым липягом	пуст.	Бывшая поместная земля
16		Юшина за Воронежем около енды	пуст.	Бывшая поместная земля
17		Поляна Беляевская на р. Ивнице	пуст.	Не указана
18		Поляна Ягодная на р. Студенке	пуст.	Бывшая поместная земля
19	Б.	Малая Гвоздевка	бывш. д.	Бывшая поместная земля
20		Устье р. Воронежа к Червленому яру от граней Б. Крячкова	пуст.	Не указана
21		Между д. Шиловой и д. Пещанкой	пуст.	Не указана
22		За Доном влево от земли Г. Никонова	пуст.	Не указана

Рассмотрим такие порозжие земли подробнее. Заметим, что речь идет о пустошах как о сложившихся хозяйственных единицах, внесенных в земельные кадастры наряду с поселениями. В большинстве случаев пустоши представляли собой жеребьевые владения, имели свою хозяйственную альменду и тяготели к живущим поселениям. Особенно это характерно для территории Чертовицкого стана [11, с. 68]. Если говорить о конкретных пустошах Чертовицкого стана, то получаем следующую картину, исходя из сведений писцовой книги. К д. Животинной тяготели пустоши № 1, 3; к с. Чертовицкому – пустоши № 5, 6; к с. Лопаткам – пустошь № 7. Это означает, что хозяйственная альменда в широком смысле, т. е. речные угодья и леса, была общей и для поселений, и для примыкающих пустошей. При этом личный

состав помещиков в этих поселениях и пустошах был почти одинаковым или сильно пересекался. Пустошь № 4 имела угодья, совместные с помещиками пустоши Сушиловки А. и С. Горожанкиными и И. Плетневым.

В Карачунском стане пустошь № 8 имела угодья, совместные с помещиком той же пустоши Н. Н. Лобковым. Собственно, порозжей была земля, оставшаяся после выделения поместья Лобкову, «сверх» его «дачи». Порозжее владение № 9 примыкало к владениям помещика А. Шиловского (Кривоноса) в той же пустоши позади реки Ериловки. Владение № 10 тяготело к землям, оставшимся «сверх дач» помещиков починка Мечка Н. Папина и И. Курсакова.

Что касается Усманского стана, то почти все пустоши с порозжими землями, которые указаны в

табл. 2, – это составная часть пустошей, находившихся в коллективном жеребьевом владении воронежских помещиков. Поляна Ягодная на реке Студенке включала 16 жеребьев, пустошь Юшина состояла из 14 жеребьев, поляна Другая Долгая Любовицкая, поляна Беляевская на реке Ивнице включали в себя по 4 жеребья. В пустоши на реке Усмани порозжие земли примыкали к владениям Н. Тарарыкова и Л. Петрова. В пустоши под Дроновым липягом – к владениям помещиков Ениных и Сенюковых. В поляне Песковатой порозжие земли примыкали к владениям С. Желтухина, помещика той же пустоши. Пустошь № 12 примыкала к землям помещика В. Стерлегова и полям помещиков д. Нелжи.

В Борщевском стане можно увидеть аналогичную картину. Некоторые порозжие земли относились к пустоши Малая Гвоздевка (№ 19). Иные граничили с владениями других помещиков: с землями Б. Крячкова (№ 20), с починком Залесье Г. Никонова (№ 22). Большой участок порозжей земли располагался между угодьями деревень Шиловой и Пещанки.

Таким образом, порозжие земли всегда или локализовались в границах поселений и пустошей, или тяготели к таковым в хозяйственном и физическом отношении, имея общие или смежные угодья (пашни, сенокосы, леса, реки и озера). Отсчет межи каждой порозжей земли писцы вели от конкретной хозяйственной единицы, поместья или жеребьевого владения.

Интересно, что земли могли сохранять свое порозжее состояние длительное время. Попытаемся объяснить, почему так происходило. Во-первых, действовали факторы хозяйственного характера. Порозжие земли зачастую представляли собой так называемые «неудобья», со специфическими особенностями ландшафта, затрудняющими эксплуатацию угодий. Например, к «неудобьям» относились заболоченные низины, овраги, песчаные или каменистые участки. Некоторые порозжие земли описаны как «худые», т. е. они характеризовались низким плодородием при высокой затрате ресурсов на обработку. Кроме того, слабая обеспеченность угодьями, недостаточное количество сенокосов, удаленность от лесов делали многие свободные урочища слабо пригодными для хозяйственного освоения. Наиболее благоприятные для обработки и промысловой деятельности участки располагались в приречной зоне, поэтому критическим фактором для заселения и освоения земель было отсутствие выхода к крупным рекам.

Отметим также фактор военной опасности, влиявший на процессы освоения в Воронежском и других южнорусских уездах [12]. Районы степного и лесостепного пограничья неоднократно подвергались татарским набегам, из-за чего поселения заустевали,

мельчали, понижали свой статус [13]. Зачастую порозжие земли сохранялись в урочищах-пустошах, далеко отстоявших от крупных поселений, и были слабо защищены от вражеских нападений. Некоторые размежеванные и описанные писцами урочища в принципе были слишком малы, чтобы в их границах сложилось крупное поселение. Такие урочища подходили для починковой формы колонизации, но она развивалась слабо по причине тех же татарских набегов [14, с. 101].

Заметим, что хозяйственные и военные факторы сами по себе не могли законсервировать земли в порозжем состоянии на длительное время. Между тем некоторые из участков порозжей земли, учтенные в книге воронежского письма в 1627–1629 гг., оставались порозжими и в 80–90-х гг. XVII в. Причину следует искать в том факте, что раздача порозжих земель, наряду с раздачей «дикого поля», регулировалась государством. Основное законодательство о порозжих землях содержится в главе XVI Соборного уложения 1649 г., но некоторые нормативных акты по данному вопросу были приняты ранее. Указом от 19 ноября 1641 г. разрешалась передача порозжих земель в Московском и других уездах в поместье на льготу сроком на 15 лет с условием, что земли будут населены крестьянами и запущены в хозяйственный оборот, с возможностью последующего закрепления поместья за служилым человеком [15, с. 127–128]. Очевидно, что мотивами указа были как обеспечение военной службы, так и скорейшее хозяйственное восстановление земель. Указом от 22 июля 1644 г. для обеспечения ратной службы допускалась выкладка порозжих пустошей из оброка и передача их в поместья малопоместных и беспоместных служилым людям по их челобитным [там же, с. 131].

В столбцах Поместного приказа сохранились земельные дела по челобитным воронежских помещиков о порозжих землях в XVII в., например, земельные дела представителей известных воронежских служилых фамилий Лосевых [16], Михневых, Стерлеговых и других [3; 4]. Активный интерес местных землевладельцев не привел к возвращению порозжих земель в служилый и хозяйственный оборот. Применительно к южнорусским или «украинным» уездам были установлены нормы земельных дач из порозжих земель и «дикого поля» служилым людям в зависимости от их окладов: с окладом 400 четей (ч.) полагалась дача 70 ч. (17,5 % от оклада); 300 ч. – 60 ч. (20 %); 250 ч. – 50 ч. (20 %); 200 ч. и 150 ч. – 40 ч. (20–27 %); 100 ч. – 30 ч. (30 %); 70 ч. – 25 ч. (36 %) [15, с. 134–135]. Позднее эти нормы земельной дачи были закреплены в статье 40 главы XVI Соборного уложения [17, с. 210–211]. Следовательно, полноценное наполнение оклада из фонда порозжих земель для служилого человека было крайне затруднено.

Подведем итоги. Ограничивая передачу порозжих земель служилым людям, государство преследовало определенные цели. Для их понимания необходимо обратиться к главным векторам государственной земельной политики на окраинных рубежах. Приоритетным интересом на южных границах было закрепление новых территорий в составе государства, их защита и удержание военным путем. Задачи аграрного освоения и экономической эксплуатации до поры до времени отступали на второй план. На пограничье требовалось основательное военное присутствие государства, что означало непрерывное пополнение воинского состава. Источником такого пополнения стали мелкие дворяне и дети боярские, казаки, приборные служилые люди. Сознательно поддерживая мелкопоместное землевладение в южных уездах, государство длительное время сохраняло практику заказных городов, пожертвовав как интересами крупных землевладельцев, так и собственными интересами фиска [18, с. 64; 19; 20]. Поскольку порозжие земли входили в состав сложившихся хозяйственных комплексов, то сохранение земель в пустующем состоянии негативно отражалось на экономическом развитии поселений и пустошей, замедляя аграрное освоение. Но правительство предпочитало придерживать порозжие земли и раздавать их экономно, желая иметь под рукой готовый фонд земель для поместной раздачи. Сложившаяся ситуация позволяла оперативно наделять поместьями беспоместных, малопоместных и нововерстанных детей боярских южнорусских уездов, но наполненность окладов служилых людей сохранялась на низком уровне. В первой трети XVII в. воронежские служилые люди активно интересовались новыми земельными приобретениями, так как имели в среднем 10–40 % наполнение окладов фактическими землями [21]. Но имеющаяся у большинства земельная «дача» обеспечивала доход, достаточный для подъема на службу. Таким образом, военный контингент на южных рубежах поддерживался в относительно боеспособном состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев В. Н. Воронежцы на защите южных рубежей России / В. Н. Глазьев // Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII веках. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. – С. 48–64.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 1209. – Оп. 2. – Ч. 1. – Д. 12287.
3. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1193. – Д. 34027, 34029.
4. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1194. – Д. 34728, 34793, 34852, 34855.
5. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 76. – Ч. 1–2.
6. Милов Л. В. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования / Л. В. Милов, М. Б. Булгаков, И. М. Гарскова. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 301 с.
7. Камараули Е. В. Служилые группы в составе землевладельцев Воронежского уезда в первой трети XVII в. : размещение по станам, особенности поместного и вотчинного владения / Е. В. Камараули // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2017. – № 3. – С. 47–52.
8. Камараули Е. В. Проверка владельческих прав служилых землевладельцев в период писцовых описаний в Воронежском уезде в XVII в. / Е. В. Камараули // Личность, общество, власть, прошлое и современность : материалы 12-й Региональной научной конференции (Воронеж, 2 февраля 2018 г.). – Воронеж, 2018. – С. 29–33.
9. Камараули Е. В. Вовлечение южного русского «дикого поля» в орбиту служилого землевладения в первой половине XVII века (по материалам Воронежского уезда) / Е. В. Камараули // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2018. – № 4. – С. 39–44.
10. Камараули Е. В. Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. / Е. В. Камараули // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. – М. ; Уфа, 2016. – С. 80–89.
11. Камараули Е. В. Поместное землевладение Чертовицкого стана Воронежского уезда в материалах валаового письма 1620-х годов / Е. В. Камараули // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2016. – № 3. – С. 67–73.
12. Ляпин Д. А. Влияние военного фактора на хозяйственное освоение Юга России в XVII в. (на материалах Елецкого уезда) / Д. А. Ляпин, К. Ю. Гайтерова // Вестник Брянск. гос. ун-та. – 2018. – № 2 (36). – С. 89–97.
13. Глазьев В. Н. Военная повседневность южного российского пограничья XVII в. / В. Н. Глазьев // Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 20, вып. 10. – С. 71–78.
14. Камараули Е. В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) / Е. В. Камараули // История : факты и символы : научный журнал. – Елец, 2018. – № 3 (16). – С. 97–105.
15. Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом министерства юстиции. Вып. 1. Указная книга Поместного приказа. – М. : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерова, 1889. – 216 с.
16. Камараули Е. В. Из истории воронежского служилого рода Лосевых в XVII веке / Е. В. Камараули // Из истории Воронежского края : сб. ст. / под ред. А. Н. Акиньшина. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. – Вып. 20. – С. 19–34.

17. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / под ред. К. А. Софроненко // Памятники русского права. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1957. – Вып. 6. – 503 с.

18. Маньков А. Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. – Л. : Наука, 1980. – 273 с.

19. Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. / А. А. Новосельский // Исторические записки. Т. 4. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1938. – С. 21–40.

20. Станиславский А. Л. Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г. / А. Л. Станиславский // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. – М. : Московский государственный историко-архивный институт, 1985. – С. 72–77.

21. Камараули Е. В. Поместное землевладение на Юге России в XVII в. (по материалам Воронежского уезда) / Е. В. Камараули // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 1. – С. 76–81.

*Воронежский государственный университет
Камараули Е. В., кандидат исторических наук, доцент
кафедры политической истории
E-mail: kamarauli@bk.ru*

*Voronezh State University
Kamarauli E. V., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Political History Department
E-mail: kamarauli@bk.ru*